

От редакции

ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ ЗАМЕНИТЬ НЕЧЕМ?

Василий Осипович Ключевский — учёный, живший в конце IX-начале XX века, выдвинул идеи, созвучные с основными постулатами современной отечественной педагогики. Концепция воспитания В.О. Ключевского практически не освещена в отечественной и зарубежной литературе. А сделать это представляется возможным, опираясь на материалы его сочинения «Два воспитания». Перед нами волшебный мир воспитания, новые грани которого открывает великий Ключевский. Погрузиться в его мир нам позволили исследователи его творчества, увлечённые делом его жизни — историей.

1. Два воспитания¹

Чтобы лучше понять сущность процесса воспитания, он предлагает обратиться к историческому прошлому, которое издавна преподносило человечеству важные уроки. Он говорит о двух таких опыта, в которых семья и школа по-разному влияли на подрастающее поколение. Это «школа у домашнего очага» Древней Руси и школьное воспитание новой послепетровской России XVIII века.

В Древней Руси главное внимание при воспитании было обращено на житейские правила и нормы, нравственные, религиозные устои, а целью воспитания было привитие благонравия, кротости и смирения детям. Иной была цель публичных школ XVIII века: укрепить физические силы молодого человека, привить надлежащие практические навыки и наклонности.

На Руси воспитание осуществлял в основном глава семьи, а корректировал его на исповеди священник. Для воспитания детей в XVIII веке создавались специальные закрытые воспитательные училища, где находились дети с 6 до 20 лет под бдительным оком педагога-наставника.

Средства и методы воздействия на ребёнка в обеих системах также были различны. Если в семейном воспитании Древней Руси широко применялось физическое наказание, то в школах XVIII века оно исключалось полностью. Сама мысль о всякого рода насилии над ребёнком казалась чудовищной. В училища ни

¹ О.Ф. Рожкова,
Е.Н. Корсикова.
Концепция
воспитания
в трудах
В.О. Ключевского.
http://history.yar.ru/vestnik/pedagoga_i_psi-chology/14_1/

5

Методология
воспитания

[19 — 28]

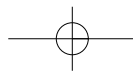
ОТ РЕДАКЦИИ

под каким видом не допускали крепостных, дабы не нарушить гармонию души ребёнка и воспитать из него свободную личность. В качестве средств обучения и воспитания на Руси применялись произведения народного фольклора (сказки, пословицы, загадки), а также использовался личный пример. Добрый пример воспитателя и в новой Руси являлся ведущим средством воспитания детей. Кроме того, особая роль в публичных школах отводилась ограничению всякого дурного влияния на детей, в том числе и семьи. Роль семьи в воспитании детей была фактически сведена на нет. На Руси же семья ежесекундно воздействовала на ребёнка, и это воздействие было способно «продолбить какой угодно педагогический камень».

Несмотря на все различия, нравственный потенциал в обеих педагогических системах был схож и включал привычку к труду, смирение, кротость, повиновение, сострадательность, опрятность, честность и даже невысокое отношение к книжной мудрости.

Внимательно анализируя две коренным образом различающиеся системы воспитания, историк выдвигает ряд педагогических постулатов.

Ключевский пишет о том, что педагогический процесс обязательно должен быть целенаправленным: «Идея школы слагается из известной цели, к которой направляются все образовательные средства, знания, навыки, правила, и из приложенных к этой цели приёмов, которыми эти средства проводятся в воспитательную среду» [1]. Помимо этого, каждый учитель должен иметь определённый «умственный и нравственный идеал» ученика, к воплощению которого он должен стремиться. Действительно, это необходимо потому, что педагоги, живя и работая в настоящем, «строят» будущее. Воспитатель, не имеющий такого идеала, по мнению В.О. Ключевского, подобен играющему в жмурки, не знающему, что и кого он поймаёт в следующий миг. Максимум, на что способен такой педагог — продолжать воспитывать самого себя, другое у него просто не получится. Все учителя должны объединить свои усилия на пути достижения цели. Их действия не должны быть разрозненными, иначе «из них не выйдет цельного и складного дела». А цель воспитания В.О. Ключевский определяет так: «Сделать каждого воспитанника возможно точным снимком с этого образца, — и, предвидя возражения своих оппонентов, предвосхищает их, — да это обезличение, а не воспитание, подумают некоторые; это не школа, а казарма» [1]. Но учёный полагает, что лишение учащихся индивидуальности возможно лишь при очень сильном авторитарном воздействии. Кроме того, «в школе дети не рождаются, а только учатся и воспитываются, они приходят туда откуда-то уже готовыми, хотя ещё не зрелыми организмами, и опять куда-то уходят» [1]. Таким образом, школа есть важное, но промежуточное звено в цепи воспитания детей. Школа не может коренным образом изменить ребёнка, ведь основы его личности закладываются ещё в дошкольном возрасте. Она может лишь сгладить некоторые шероховатости, усилить и развить положительные качества. В.О. Ключевский подчёркивает значимость двух институтов воспитания: семьи и школы. Они не могут заменить друг друга, однако способны мешать осуществлению педагогического воздействия. «Дела обоих так тесно связаны между собою, что одно учреждение помогает или вредит другому уже тем, что своё дело делает хорошо или худо» [1]. Философ опровергает широко распространённое в то время мнение о том, что школа берёт на себя функции обучения, а семья — воспитания. Такую педагогическую позицию В.О. Ключевского ярко иллюстрируют его собственные

ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ
ЗАМЕНИТЬ НЕЧЕМ?

слова: «Семья и школа не сожительницы и не соперницы, это соседки и сотрудницы. Школа не может заменить семью, как и семья не может обойтись без школы. У той и другой своё особое воспитательное дело» [1]. Семья развивает задатки и способности ребёнка, учитывая его индивидуальные особенности, школа вырабатывает умения общего типа, ориентирует на общепринятые нормы и правила, способствует формированию навыка работать в группе. Школьному учителю довольно сложно одновременно и обучать, и воспитывать детей. Это обусловлено законами работы человеческой психики. Ведь одним из свойств восприятия человека является его избирательность, проявляющаяся в преимущественном выделении одних субъектов и объектов перед другими. Поэтому объективно «школьный наставник в каждой из сорока устремлённых на него пар детских глаз не может уловить того уголка зрения, под которым она привыкает смотреть на людей и вещи, это могут подкараулить только отец и мать» [1].

В.О. Ключевский в своей статье «Два воспитания» рассматривает два опыта воспитания детей, предоставленных самой историей. И делает это не случайно. Ведь, анализируя этот опыт, зная те ошибки, которые совершали наши предки, можно избежать роковых неудач в воспитании детей сегодня. Семья и школа не должны быть отделены друг от друга. Они совместными усилиями формируют нравственные установки и убеждения ребёнка, его собственную систему ценностей, пробуждают эмпатию к другим людям. И, несомненно, важным связующим звеном между ними является наука педагогика. «Педагогика — не нянька, а утренний будильник: слово дано ей не для того, чтобы укачивать чужого ребёнка, усыплять свои мысли, а для того, чтобы будить чужую» [1].

2. Жизнь и воспитание²

Как по имени автора, так и по самому предмету внимание читателей, естественно, останавливается на статье проф. В.О. Ключевского «Два воспитания»³. Автор затрагивает вопрос об отношениях семьи и школы, которых взаимные жалобы так обыкновены в настоящее время. Тема важная, и излишне говорить, что у проф. Ключевского мы, как всегда, находим много интересных фактов и поучительных соображений.

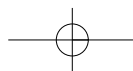
«Когда, — говорит он, — исчезает из глаз тропа, по которой мы шли, мы оглядываемся назад, чтобы по направлению пройденного угадать, куда идти дальше. Двигаясь ощупью, в потемках, мы видим перед собой полосу света, падающую на наш дальнейший путь от кого-то сзади нас. Это проводница наша — история, с её светочем, с её уроками и примерами».

Действительно — если мы не знаем самого **идеала** воспитания, не знаем, что вырабатывать из детей, то, каковы бы ни были отношения между семьёй и школой, воспитание окажется плохим. Настоящий путь к его поднятию, очевидно, состоит в том, чтобы выяснить самим себе цели и идеал воспитания. Но это дело трудное. Гораздо легче педагогу школьному жаловаться на семью, которая, дескать, портит его дело, и семье точно так же жаловаться на педагога школьного. Забывая каждый свои недостатки, мы, отцы и учителя, предпочитаем жаловаться друг на друга.

Правы ли мы, однако, оставаясь спокойными при мысли о **семье и школе** порознь? Действительно ли воспитание в семье удовлетворительно

² Выборка из публикации: Лев Тихомиров. Жизнь и воспитание. (с) <http://apocalypse.orthodoxy.ru/>

³ Первоначально она была в виде публичной лекции, читана автором 1 февраля.

ОТ РЕДАКЦИИ

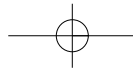
так же, как и в школе? Правы ли мы, замечая ненормальность только в их взаимном отношении?

В каждом из этих типов воспитания есть три стороны:

1) идеал личности; 2) педагогические приёмы; 3) отношения семьи и школы. Чтобы сравнение дало отчётливые результаты, нужно не упустить из виду ни одного из этих элементов. В мастерском историческом изложении, каким всегда отличается проф. Ключевский, мы, конечно, находим известные **материалы** для такого сравнения.

Он разворачивает перед глазами читателя две живые панорамы двух воспитаний, из которых с одним Россия пережила Московскую эпоху, второе впервые попробовала при Екатерине II, в системе Бецкого. Эти две системы, говорит проф. Ключевский, дают диаметрально противоположные отношения между семьёй и школой. «Древняя Русь стремилась утвердить школу у домашнего очага и включить её задачи в число забот и обязанностей семьи; во второй половине XVIII в. была предпринята попытка оторвать школу от семьи», устранить семью от воспитания. В древнерусском воспитании «главное внимание педагога было обращено на житейские правила, а не на занятия научные. Кодекс сведений, чувств и навыков, какие считались необходимыми для усвоения этих правил, составляли науку о «христианском жителстве», о том, как подобает жить христианам. Этот кодекс состоял из трёх наук, или **строений**: то были строение душевное, учение о доме душевном, или дело спасения душ, строение **мирское**, наука о гражданском общежитии, и строение **домовое**, наука о хозяйственном домоводстве. Школой душевного спасения для мирян была приходская церковь с её священником, духовным отцом своих прихожан. Его преподавательские средства — богослужение, исповедь, поучение, пример собственной жизни.

В состав его курса входили три части: богословие, — **како веровати**, политика, — **како Царя чтити**, нравоучение — **како чтити духовный чин и учения его слушати, аки из Божьих уст**. Эта школа была своего рода учительской семинарией. Учение, преподаваемое приходским священником, разносилось по домам домовладыками, отцами семейств. Он не только делал дело их душевного спасения, но учил, как они, помогая ему, должны подготавливать к этому и своих домашних. Хозяин дома, отец семьи, был настоящий народный учитель в Древней Руси. Народная школа тогда заключалась в семье. Это было не простое естественное семейство, а довольно сложный юридический союз, туго стянутый дружными вековыми усилиями Церкви и государства. Домовладыка считал в составе семьи не только жену и детей, но и **домочадцев**, то есть младших родственников и слуг с их семьями. Это было его домашнее царство, здесь он был не только муж и отец, но и прямо назывался **государем**. Этот домовый государь и был домашним учителем, его дом был его школой». С большим сожалением сокращаю я выписки из этой мастерски и тепло, хотя независимо, написанной картины. «Труд воспитания домовладыка делит с женой... Древнерусская мысль не боялась и не скучала (то есть не ленилась) думать о женщине и даже расположена была идеализировать образ доброй жены». Итак, отец семьи, с главной помощницей — женой, под руководством священника преподавал начатки **строения душевного**. Затем следовало **мирское строение** — «как жить православным христианам в миру с женами и детьми, и с домочадцами и их учить». Далее в до-

ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ
ЗАМЕНИТЬ НЕЧЕМ?

мовом строении педагогический труд разделялся между хозяином и хозяйкой как бы на два параллельных класса.

Школа в собственном смысле, публичное училище, с книгами и другими орудиями грамотности, существовала, но в состав «общеобязательного воспитания» не входила. Такая школа имела лишь дела специальные. Так, Стоглав, современный Домострой, предположил учреждать книжные училища — «чтоб ученики, пришедши в возраст, были достойными священнического сана». Школа, как воспитательное учреждение, была заменена семьёй.

При такой системе воспитания «ребёнок должен был быть воспитываем не столько уроками, которые он слушал, сколько той нравственной атмосферой, которой он дышал. Это было не пятичасовое, а ежеминутное действие, посредством которого дитя впитывало в себя сведения, взгляды, чувства, привычки. Как бы ни была неподатлива природа питомца, эта непрерывно капающая капля способна была продолжить какой угодно педагогический камень». Воздействие получалось могучее, но оно имело и теневые стороны. «Все здесь было обдуманно, искусно размерено и разграничено, каждая вещь положена на своё место, каждое слово логически определено и нравственно взвешено, каждый шаг разучен, как танцевальное па, каждый поступок предусмотрен и подсказан, под каждое чувство и помышление подведена запретительная или поощрительная цитата из Писания или отеческого предания, все эти шаги, помышления и чувства расписаны по церковному календарю, и человек, живой человек, с индивидуальной мыслью и волей, со свободным нравственным чувством, двигался по этому церковно-житейскому трафарету автоматическим манекеном. **При таком общем направлении жизни и тогдашних образовательных средствах семьи** воспитанию грозила опасность погасить дух обрядом, превратить заповеди в простые привычки, выработать автоматическую совесть, нравственное чувство, действующее по памяти и навыку».

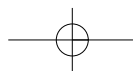
Такое обвинение против древнерусского воспитания довольно обычно в современной России. Но когда его произносит профессор Ключевский, то желательно было бы знать, какую **степень автоматичности совести** он признает в результате этого воспитания как факт достигнутый? Затем желательно бы знать, какими именно сторонами воспитания производилась автоматизация совести? Без этого невозможно себе хорошо выяснить результаты сравнения с явившейся потом системой Бецкого. Но, как я заметил выше, профессор Ключевский сам осудил свою работу на эти неясности, поставив в основу плана рассуждения — отношение семьи и школы. Перейдём затем к системе Бецкого. Общее её отличие от предыдущей формулируется автором так: «В древнерусской домашней детской старались направить человека так, чтоб он и с завязанными глазами знал, куда идти, а питомец закрытой философской школы, если б он удался, был бы похож на человека, который, вышедши из дому с желанием пройтись, не знает, куда идти, и потому вертится вокруг самого себя, не двигаясь с места». Сравнение живописное и даже меткое, но откуда явилось такое различие результатов?

Когда профессор Ключевский начинает обрисовывать новую школу (Бецкого), он в ней показывает черты, до такой степени напоминающие «Домострой», что сам спрашивает: «Как? Стало быть, наши педагоги надеялись по правилам Монтескье, Локка и Руссо создать новую породу людей, не похожих ни на отцов, ни на матерей, и не догадывались, что в этой репетиции шестого дня

9

Методология
воспитания

[19 — 28]

ОТ РЕДАКЦИИ

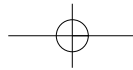
миротворения они реставрировали уже знакомых нам автоматов Древней Руси, то есть только переодевали в новое модное платье старую педагогическую куклу попа Сильвестра?» «Нет, — отвечает он, — не совсем так, и даже не следует так выражаться». Разница будто бы в том, что древнерусская педагогика отчеканивала автоматическую **совесть**, а педагоги XVIII века — автоматическое **чувство**, «сердце».

Это общие определения. Посмотрим сами факты.

Несомненно, как, впрочем, они и сами выражались, Бецкие имели целью создать **новую породу людей**. Такая идея, «кажется», говорит профессор Ключевский, а на деле не «кажется», а несомненно могла возникнуть только при взгляде на человека, как «живую организованную пустоту», которая «постепенно наполняется, соприкасаясь с внешним миром». Человек — создаётся **внешними условиями**. Такова была идея. Итак, стоит создать известные внешние условия, и мы получим такого человека, какого хотим. Но почему же нужен был непременно **новый** человек, отличный от старого? Профессор Ключевский не задаётся в достаточной степени этим вопросом, но кто же не знает, почему нужен был **новый** человек? Потому, что старый мир отрицался, «человечество», в лице реформаторов XVIII века, открывало «новую эру». Итак, нужен был «новый человек». Чтобы создать его, требовалось устранить ребёнка из-под влияния старого мира. В образцовом корпусе Бецкого «5–6-летний ребёнок на целые 15 лет совершенно вырывался из семьи. Отдавая детей в корпус, родители обязывались подпиской до окончания курса не требовать их обратно, **отнюдь ни под каким видом**, даже во временный отпуск». «Весь курс делился на пять трёхлетних возрастов. В первом ребёнка встречала, взамен натуральной, педагогическая мать, в лице воспитательницы. При комплекте возраста в 120 человек у каждой воспитательницы было по 12 питомцев; весь возраст состоял из 10 педагогических семейств, только без отцов. В двух дальнейших возрастах дети становились под руководство педагогических отцов, без матерей. Состав семей становился сложнее, и потому число их уменьшалось. В двух последних возрастах дети превращались в молодых людей, и семейный строй воспитания кончался, начиналась подготовка к обществу и к службе. В пятом возрасте, по уставу, кадет должен был «зрело обсуждать, какое бы для себя избрать состояние в обществе, на великом театре света». Сообразно с этим являлись два отделения: одно для службы гражданской, другое — для военной.

На воспитание обращалось больше внимания, нежели на знания. Корпусное руководство учит, прежде всего, в ребёнке «соорудить, по правилам природы и физики», крепкое и выносливое сложение, потом вкоренить в душе его страх Божий, спокойствие, самообладание, «изящные мысли», вдохнуть ненависть ко всему противному чести и добродетели, приучить юношу «о людях рассуждать и распознавать их», научить его, «что есть человек в обществе, чего требует чин, место и состояние, в каком он находится», и т. д. Предполагалось воспитать людей каких-то универсальных, на всё способных, «чтобы генерал, одержав победу, мог решить судное дело в Сенате, распорядиться течением доходов, поправлять земледелие» и т. д., и т. д. Главным средством влияния на воспитанников должно было быть нравственное влияние, наказаний телесных ни в каком виде не допускалось.

Полная неудача постигла эти планы, основанные на незнании природы человека. Говоря о заоблачности и теоретичности всей затеи, профессор

ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ
ЗАМЕНИТЬ НЕЧЕМ?

Ключевский всё-таки прибавляет: «Программа этой школы подкупает свою задушевностью, верой в природу человека (?), любовью к детям». Трудно признать за нею и эти качества! Какая же это вера в природу человека? «Домострой» скорее верил в природу, в её самостоятельные начала добра и зла, считал необходимым бороться против зла. А здесь не «вера в природу», а вера в природную безличность, позволяющую вложить в человека что угодно даже без всякой борьбы с ним.

Опыт не удался. Очень понятно. Но что же мы можем вынести из сопоставления двух систем? Профессор Ключевский полагает остановиться на следующем:

«Опыт Бецкого убедил, что в деле воспитания школа не может оторваться от семьи, как опыт Древней Руси показал, что школе трудно и небезопасно слиться с семьёй. Семья и школа не сожительницы и не соперницы, а соседки и сотрудницы. Школа не может заменить семьи, как и семья не может обойтись без школы». В семье развиваются **индивидуальные особенности человека**, в школе — **общий тип**, требуемый временем, страной и культурой. Дома дитя приучается любить **своих**, в школе учится превращать для себя чужих в **ближних**.

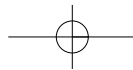
Так ли это? Потому ли нужна и семья, и школа? Об этом можно было бы очень и очень поговорить. Но допустим на минуту правильность формулы профессора Ключевского. Что же всё-таки она даёт нам для постановки нашего современного воспитания. Нужна **и** семья, **и** школа? Прекрасно. Это мы имеем. Они должны быть сотрудницы? Это все говорят и нынче. Распределить сотрудничество именно согласно указанию профессора Ключевского, может быть, мы и не сумеем. На это есть серьёзные причины. Во-первых, индивидуальность ребёнка развивается особенно в те годы, когда он, по требованиям образовательным, принадлежит уже больше школе, чем семье. Итак, если школа, как, к сожалению, нередко бывает, откажется от заботы об его индивидуальности, то дело выйдет, пожалуй, и очень плохо. Во-вторых, семья гораздо сильнее школы испытывает влияние живого **общего типа** национальности, а следовательно, не может не передавать его ребёнку, а если бы и могла как-нибудь от этого воздержаться (что невозможно), то из этого получится только то, что ребёнок выйдет именно «отвлеченным» от своего места времени и племени. Но оставим всё это, а обратим внимание на то, с чего профессор начинает свою статью. Он говорил, что нужно иметь **идеал** воспитания. Он совершенно справедливо указывал, что если мы не знаем, кого готовить, то, «**соединённые** усилия не могут быть **дружными**, и тогда из них не выйдет цельного и складного дела». Итак, допустим, что наша семья и школа распределили свои усилия совсем так, как рекомендует профессор Ключевский, но ведь они всё-таки не знают, **кого** воспитывать, к какому **идеалу** приближать воспитываемого. Стало быть, у них «цельного складного дела всё-таки не выйдет». Этого мало. Допустим, что мы установили себе идеал, но ложный, ошибочный: сумеем ли мы тогда получить воспитание правильное и плодотворное? Этого вопроса профессор Ключевский как бы и не предполагает вовсе, а он далеко не лишён значения.

Если бы человек, по природе духовной, был такая *tabula rasa*, как полагали педагоги XVIII века, то воспитателям достаточно было бы установить любой, по своему вкусу, идеал и затем дружно и искусно отливать в его форму своих

11

Методология
воспитания

[19 — 28]

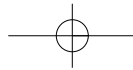
ОТ РЕДАКЦИИ

воспитанников. Но в действительности природа человека сама по себе заключает известный идеал, и дело педагога не сочинить его, а **понять**. Дело педагога не отливать души в форму произвольного идеала, а способствовать прорастанию того идеала, какой уже дан самой природой человека. Потому-то воспитание и не есть **обезличение**, а совершенно наоборот — развитие личности, но именно в том случае, если педагогия вложила правильное содержание в свой идеал личности. Если же это содержание определено ошибочно, то педагогия будет обезличивать, и тем сильнее, чем дружнее примутся за работу семья и школа. Таким образом, вопрос о **содержании идеала** чрезвычайно важен. Критик системы воспитания древнерусского, Бецкого, современного должен бы начинать с вопроса о том, каково в данную эпоху содержание идеала личности, составляющего цель педагогики? Распределение педагогического труда между семьёй и школой есть уже вопрос вторичный. Я уверен, что если бы проф. Ключевский искал причины успехов и неудач педагогики древнерусской и Бецкого в самом содержании их идеалов воспитания, он бы пришёл к заключениям гораздо более значительным и поучительным для современников.

Собственно, для нашего времени это вопрос прямо первостепенный. Воспитание готовит человека для жизни, для той жизни, какова она есть в действительности. Для чего же мы нынче готовим своих детей? Те родители и учителя, которые сами ни во что серьёзно не верят, **кого** они воспитывают из своих детей и учеников? А может ли проф. Ключевский сказать, какой процент нынешних родителей и учителей **серьёзно** во что-нибудь верит? Конечно, все они уверены, что, например, не следует воровать, убивать, вообще обижать без надобности, но многие ли из них в глубине своей совести скажут, — почему и для чего нужны такие, а не иные правила поведения, навыки нравственности? У попа Сильвестра надо всей жизнью развёртывался Божественный закон, в который он верил так же, как мы нынче верим, например, в политическую экономию или гигиену. У педагогов XVIII века была фанатическая вера в полную революцию человеческих отношений, в наступающее царство разума. Обе школы **знали**, куда идти, а потому могли развёртывать силу воздействия на воспитанников. Но нынешний родитель или учитель — где он возьмёт силу воздействия? Для него самого в жизни ясно одно — что нужно есть, пить, служить, вообще добывать деньги, не делать особенного зла, а засим — всё далее скрыто в тумане. Он сам не знает зачем живёт.

Не отсюда ли являются пререкания между семьёй и школой? Родители, не зная, **кого** воспитывать, требуют, чтобы это сказала школа, а школа — сама этого не знает и сердится на родителей, что они не умеют ничего внушить детям. Когда является семья, знающая **кого** готовить, то есть, например, серьёзно христианская семья или серьёзно революционная (что ныне редчайшее исключение), эти семьи скорее боятся школы. Точно так же, когда является педагог, знающий **кого** готовить из детей, он боится семьи, не ждёт от неё ничего. И вот почему мы все так волнуемся, когда речь заходит об отношениях семьи и школы. Размежевка между ними — едва ли может чему-нибудь помочь. Отец, знающий, **кого** готовить, ни за что не уступит современной школе задачи выработать в его дитяти **общий тип**, и он прав. Точно так же и живой педагог, знающий свои цели, ни за что ныне не положится на выработку родителями **индивидуальности** питомца, потому что он очень хорошо понимает, что в виде общего правила современные родители эту задачу исполняют совершенно неудовлетворительно.

ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ
ЗАМЕНИТЬ НЕЧЕМ?

Выход из этого положения, из этих отношений — между семьёй и школой — никакими размежевками, никаким разделением труда не может быть дан. Он будет дан только **осмыслением** воспитания, которое явится, когда мы, родители и педагоги, будем знать, **кого** воспитывать, другими словами — **для чего** жить нам и воспитанникам нашим. Когда же это для нас станет ясно, когда педагогический труд родителей и учителей станет осмысленным, то сомнительно, чтобы между семьёй и школой осталась какая-либо тень недоразумений. Никаких размежевок тут и не требуется, дело родителей и школы совершенно **общее**, одно и то же. Воспитание и образование требует большего количества силы, нежели способна дать семья, и вот почему нужны школы. Недостаток школ, какой был в Древней Руси, составлял, конечно, большее несчастье, но, собственно, потому, что крайне ограничивал воспитательно-образовательные средства страны. И у Бецкого устранение семьи было вредно не столько само по себе, как по **мотивам** своим. Семья, без сомнения, в воспитании не может быть устранена школой, потому что школа только **дополняет** действие семьи. Если семья теряет воспитательную способность, то со стороны школы нужно настоящее безумие для того, чтобы вообразить себя способной заменить семью. Это попытка гальванизировать мёртвое тело. Источник воспитательной силы общества в семье, и уж если он здесь иссяк, то тем паче его неоткуда взять в школе. И так **вообще** семья в воспитании неустранима. Но если в стране вообще семья остаётся при более или менее нормальных воспитательных способностях, то весьма возможно какое-нибудь отдельное училище, которое **по нужде** обходится без родителей, как, например, в сиротских домах, исправительных приютах и т. п. Тут семью не устраняют нарочно, семьи нет не потому, чтобы педагог начинал «мудрить», а просто — нет её — где же её взять? Но педагог старается действовать так, чтобы остаться в гармонии с общесемейным воспитанием, и его усилия вовсе не дают таких «сумбурных» результатов, как в школе Бецкого. Напротив, из этих приютов выходят нередко вполне добропорядочные силы. Конечно, отсутствие семьи и здесь тяжело педагогу, он не имеет самого лучшего и сильного помощника. Но, в конце концов, кое-как обходится, и из уличных воришек успевают приготовить честных и трудолюбивых граждан. Дело не столько в размежевке между семьёй и школой, как в содержании воспитательного идеала.

Думается, что и в современных взаимных жалобах семьи и школы основа недоразумений — в тусклости воспитательных идеалов, в неясности **зачем** жить, а стало быть, и **к чему** готовить. Какие-то пробелы в этом отношении были, конечно, и в древнерусском воспитании, иначе оно бы не рухнуло так легко под напором, в сущности, довольно жалких европейских влияний. О фальшивости идеалов школ XVIII века, думаю, можно и не распространяться. Они отцветают, не успевши и расцвести. Но у нас, в настоящее время, нечто едва ли не хуже. Тогда хотя **ошибались**, а мы даже и не ошибаемся, а просто **ни во что** не верим. Какое уж тут может быть воспитание?

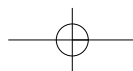
3. Не заниматься в школе воспитанием невозможно!⁴

Даже интеллигентные люди порой недоумевают, проходя мимо одного небольшого деревянного домика в Пензе: «Музей Ключевского? Кажется, был такой хирург!» Меж тем знатоки девятнадцатого века называют трёх «китов», которые сформировали русскую историю как науку: **Карамзина, Сергея Соловьёва**

⁴ Ирина Лангуева-Рельева.
«Воскреситель»
прошлого.
<http://www.hrono.info/text/2004/rep/eva0904.html>

13

Методология
воспитания
[19 — 28]

ОТ РЕДАКЦИИ

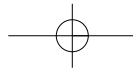
и его ученика **Ключевского**. И лишь в 1991 году к его 150-летию в Пензе открывается единственный в мире музей Ключевского. В самом, одноэтажном домике, где маленький голодный Вася часто засыпал с книгой на печке!

В 1991 году открыт единственный памятник Василию Осиповичу.

Сегодня бюст Василия Осиповича высоко поднят перед сельской школой, которая носит его имя. Воскресеновка — родина историка: две тысячи жителей, из них триста детей. И как повезло этим ребятам, что поразительный учитель рассказывает им о Ключевском! Владимир Николаевич Гуськов десять лет назад настолько увлёкся краеведением, что бросил место директора совхоза (!) и ушёл в школу историком! Тем самым он исполнил две главные заповеди педагога, которые проповедовал сам Ключевский. Нельзя стать «хорошим учителем», не любя свой предмет и не любя детей. Увлечение историей в жизни Гуськова началось в детстве, когда, играя в глине, он откопал старинную монету. А о его любви к ученикам говорят те деликатные методы, которыми он прививает к их душам любовь к истории.

Конечно, уже трёхлетние дошколята знают в Воскресеновке, кто такой Ключевский. Первоклассников он приводит в школьный музей и рассказывает: «Этой свистульке две тысячи лет. А это окаменевший кусок древесины. Ему 250 тысяч лет». А как представить себе Великое оледенение? Владимир Николаевич специально привёз к школе с местных полей валуны, которые были принесены в эти места льдом с Кольского полуострова! Он очистил с ребятами старинные родники, и когда потом на месяц была отключена в селе вода, всё село благодарило их. Он даёт им историю «пощупать», «потрогать» и увидеть. Но как увидеть? Увидеть то, что уже давно невидимо! Когда они идут по его эколого-краеведческой тропе — малыши два часа, старшие несколько дней, — он показывает им не только место, с которого начиналась в 1884 году их школа, тогда — церковно-приходская. Он спрашивает: «Как имя самого первого учителя на селе? Правильно, Фёдоров. О нём мы только и знаем сегодня, что он «работал безвозмездно», как писали тогда газеты. «А вон там, рукой подать, родилась наша землячка Анна Турчанинова. В 1804 году она первой из русских женщин поднялась в Москве в воздух на воздушном шаре! А здесь было имение сына пензенского губернатора Вигеля, оставившего нам о своём времени удивительные семитомные «Записки». Ни один рассказ о Пушкине не обходится без ссылок на нашего земляка Вигеля». Владимир Николаевич напитывает историей! Он говорил мне: «Через знакомства с историческими лицами! Но имя или факт запоминаются, если его повторить не менее двадцати раз!» Однако у кого Владимир Иванович учился этой методологии? У Ключевского, который так красноречиво и остроумно повествовал о русской истории, что на его лекции в Московский университет сбегались москвички, переодетые мужчинами. В МГУ тогда девиц не пускали!

Василий Осипович никогда не садился перед учениками, играл своим голосом, не торопился, умел собственными афоризмами оживить приуставших слушателей. Но главный успех его лекций по русской истории, так же как и успех самого Гуськова, заключался в том, что он в деталях видел то, о чём рассказывал, буквально чувял дух исторической эпохи. Поэтому Ключевский смог оставить нам и свои живописные «Исторические портреты», и строгий «Курс истории», то есть свой, личный и достаточно независимый взгляд на путь России.

ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ
ЗАМЕНИТЬ НЕЧЕМ?

В сущности, любой учитель в начале своей деятельности должен доказать ученикам нужность преподаваемого им предмета. Ключевский об истории отзывался так: «Прошедшее надо знать не потому, что оно прошло, а потому что, уходя, оно не убрало своих последствий». Как человек трезво мыслящий, он замечал, что политики или вечно искажают историю, или вообще её отрицают. Поэтому надо слушать не политиков, а документы. В каком объёме преподавать детям историю? В таком, чтобы научить их мыслить, опираясь на этот самый исторический «документ». Тогда они не станут ни «доморощенными философами», ни орудием в чужих руках. А вот если смотреть на «вещи свысока, с высших точек зрения», по верхам, то, выражаясь афоризмом Ключевского, увидишь лишь «геометрические очертания вещей» и не заметишь их самих. А историю надо видеть как бы изнутри самой истории.

Рассуждая о двух видах славянофилов и двух западников в 1890 году, Василий Розанов, скорее, относил Василия Осиповича к умеренным западникам. Потому что тот резко отзывался о самодержавии и дворянстве. Но как оригинально, например, Ключевский характеризует отвратительную ему Великую французскую революцию: «Люди революции сделали то, чего всего больше боялись, и погубили то, что всего больше любили. Они боялись королевской власти и сделали военную диктатуру; больше всего они любили свободу и сделали её сюжетом водевиля... или, что хуже всего, — орудием угнетения».

В 1861 году, едва уехав из Пензы учиться в Москву, Василий Осипович пишет другу: «Без истории теперь, как во всякое переходное время, нет спасения». Почему? Она оказывает человеку великое «благодаяние» — учиться на уже совершённых ошибках.

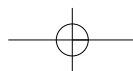
Но как объяснить это детям? Как перевести на их язык? Гуськов во всех классах, начиная с шестого по десятый, ведёт факультативы: «Литературное краеведение», «Родной край», «История села Воскресеновка», «История мировых религий». Ну, старшеклассникам он, конечно, уже может сказать: «Именно изучение исторических законов России, во многом до Ключевского не изученных, позволило Василию Осиповичу предсказать ещё в январе 1905 года, что Николай Второй — последний русский император, «Алексей царствовать не будет». А Алексею тогда было всего несколько месяцев! Смелый шаг, потому что Ключевский всегда был «на виду», несколько ранее даже вхож в царскую семью — он преподавал историю великим князьям. Предсказал он и то, что революция в России закончится нищетой и «бараками Красного Креста». Собственно сам Ключевский после долгого изучения нереализованных проектов Сперанского стал сторонником осторожных реформ «сверху». И так же внимательно изучал деятельность Петра Первого. Чтобы не заболеть, по его выражению, «историческим самозабвением», эмоциональной предвзятостью. «Окапывает Петра», по выражению Александра Блока, — лицо, а не демона». Отличие от многих других историков. Но что же русский царь? Он «увлекался Европою с финансово-технической, а не с политической и нравственной стороны...». «Бесправный народ», «народную инерцию» преобразовал в организованную силу, в государственное учреждение. Но: «после Петра государство стало сильнее, а народ беднее». И, что интересно, в результате народ стал бунтовать уже не против отдельных бояр, указов или сословий, а против целого государства! Царь «прорубил окно в Европу», но «в коалиции Пётр терпел поражения, а побеждал один на один». «Он лучше обеспечил внешнюю безопасность страны, но усилил международный страх к ней».

15

Методология

воспитания

[19 — 28]

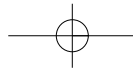

ОТ РЕДАКЦИИ

В сущности, именно история сделала Ключевского энциклопедически образованным человеком. Это и помогает Гуськову и другим учителям Воскресенской школы до двадцати раз в год упомянуть в каждом классе имя Василия Осиповича! Его цитируют на уроках русского языка: «Уметь разборчиво писать — первое правило вежливости»; на «классном часе»: «Добрый человек не тот, кто делает добро, а тот, кто не делает зла»; на уроках литературы — о Горьком, когда Василий Осипович узнаёт, что Алексей Максимович увлётся чтением его «Курса русской истории»: «Не в коня корм... Горький и после этого остался тем же Горьким, то есть пропагандистом, а не литератором». «Горький пришёл по плечу обществу, которое теперь особенно умножается. Это — люди, борющиеся за своё существование, много читающие и работающие над собою этим путём больше, чем учащаяся молодёжь, но в них нет никакой устойчивости: они непрерывно хромают на оба колена и валяются под ветром модных течений». Если смотреть из сегодняшнего дня, то, учитывая эту характеристику, пожалуй, Горький — писатель завтрашнего дня, завтрашних босяков! А вот мнение, словно высказанное Ключевским о Базарове: «Реформаторы шестидесятых годов очень любили свои идеалы, но не знали психологии своего времени, и поэтому их дух не сошёлся с душою времени». О Печорине и целой плеяде «лишних людей»: «...Век Просвещения вызвал много скучающих людей». Заметьте: по Ключевскому, именно век Просвещения! Парадокс! «Все они сильные, могучие характеры, каждый из них готов сказать, как Печорин: «Я чувствую в себе силы необъятные!» — а между тем сидит со своими необъятными силами да зеваает во весь свой геройский рот».

Эта ироническая характеристика исходила от того, кто сам был великим тружеником! Хотя учился всё больше на казенный счёт. Отец, бедный сельский священник, умер на руках девятилетнего сына Васеньки. Во время страшной грозы в поле отца переехала телега — лошадь понесло. С тех пор мальчик заикался так, что понять его было невозможно. Однако с помощью товарища переборол в себе заикание, а потом стал и красноречивым оратором! Мать после смерти мужа осталась нищей с тремя маленькими детьми. В Пензе из жалости один священник пустил их в крошечную избу, в которой сам не жил. Половину её, лучшую, со светлыми окнами на улицу, Ключевская отдавала квартирантам, а сама ютилась между печью и лавками. Вася едва ли не ослеп за книгами, читая при свече. Два училища в Пензе окончил лучшим учеником! В третьем, духовной семинарии, стоял в списках учащихся первым, и пензенский архиерей Варлаам вызывал его и товарища его, тоже семинариста, чтобы те преподали своим педагогам урок учёной дискуссии, логического рассуждения... В Московский университет сдавал десять экзаменов, и четыре из них — языки! Вот об этом необыкновенном трудолюбии земляка, сироты и бедняка, и рассказывает Гуськов малышам. Преподаёт характер!

А по статье Ключевского о «Недоросле» воскресеновские школьники поставили спектакль. Пьесу, которую написала Э. Инюшкина, условно можно назвать «Репетируя «Недоросля»». Кстати, Василий Осипович был за то, чтобы науки не преподавались юношеству одними и теми же приёмами. Он считал, что «применять один только метод — это всё равно, что лечить все болезни одной хиной». И что в «гимназиях нельзя изучать только факты, а идеи потом». «Надо усваивать и то, и другое, но только на определённом уровне».

ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ
ЗАМЕНИТЬ НЕЧЕМ?

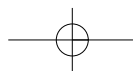

Поэтому об идеях. Интересно, что актёры, во след Ключевскому, объясняли зрителям: «Главная цель человеческих знаний — благонравие!» Ум — «ещё безделица!» «Прямую цену уму даёт благонравие!» Над Митрофанушкой смеяться... нельзя! Образ его «слишком засмеян». А меж тем Митрофан делает в пьесе два дела: рассуждает и поступает. Размышления его — забавны, считает Ключевский, хотя находчивы и... умны. А вот над его поступками надо не смеяться, а рассуждать. «Грешно смеяться над дураком». А во-вторых, если педагог не настроит своего класса, чтобы ученики не смеялись в сценах подличанья недоросля, значит, «такой педагог плохо владеет своим классом». «А чтобы он сам разделил их смех, об этом трудно и подумать!» Потому что «Недоросль» вовсе и не комедия! А трагедия русская! Потому что показана зажиточная семья в «невообразимо хаотическом состоянии. Все понятия тут опрокинуты вверх дном и исковерканы. Все чувства выворочены наизнанку, не осталось ни одного разумного и добросовестного отношения!»

Но Владимир Николаевич обратил внимание педагогов своей школы ещё на одну важную статью — лекцию Ключевского, обнародованную в 1893 году, «Два воспитания». В сущности, она доказывает, что не заниматься в школе воспитанием невозможно. Не потому невозможно, что учителя загружены, а потому, что воспитание в школе заменить нечем. Сама природа развела эти две системы воспитания: в семье и в учебном заведении. Если дома ребёнка учат любить близких, то в школе его нужно учить относиться к чужим как к своим и обращать их в своих близких. Ведь в школе в любом случае идёт общение между детьми. И если не учить ребят из одного школьного коллектива миропониманию и уважению друг к другу, они останутся чужими — а это драки, ссоры, это всё равно мешает учителю.

Однако цель воспитания в школе никогда не будет достигнута педагогом, рассуждает Василий Осипович, если он не скажет себе ясно, каков идеал, к которому следует устремлять учеников. Ключевский вовсе не заблуждается: ученик смотрит на учителя «смутными глазами», то есть не знает, чего от него ждать. Он в неведении на счёт мира. И вот если педагог пришёл в школу, а сам всё ещё в поиске своего идеала, значит, он всё ещё продолжает собственное воспитание, а не воспитывает детей, чтобы ему не мнилось. А не ясна цель воспитания — «застой и деформация личности и педагога, и воспитанника!» Тогда и выходят из школы «нумера, а не люди, статистические количества, а не нравственные величины».

Эта теория не придумана Ключевским в учёном кабинете. Всю жизнь он ей следовал! То есть любил своих и обращал чужих в своих. Оскорблённый за свою мать, которая после смерти отца родила незаконнорождённую девочку, за что была выведена «как блудница» из духовного сословия, он ещё семинаристом помогал ей, давал уроки купеческим детям, занимался репетиторством, горячо её поддерживал. Когда сам стал состоятельным человеком, содержал и сестёр, четверо детей младшей жили и воспитывались в его профессорском доме. Ещё ребёнком Василий Осипович познакомился с Порфирием Гвоздевым, односельчанином, который после преподавал историю в Казанской духовной академии, и пронёс эту верность другу через всю жизнь. В книге «Письма Ключевского в Пензу» 36 посланий первых девяти лет московской жизни. Они полны заботы об оставленной семье матери и товарищах, доверительны и интонацией напоминают «Бедных людей» Достоевского. Перед нами личность не только богато душевная, но и жадно поглощающая знания. В эти

ОТ РЕДАКЦИИ

годы Ключевский пишет у Сергея Соловьёва работу «Сказание иностранцев о Московском государстве», за которую его удостоили золотой медали. А товарищам по Пензенской семинарии сообщает все самые интересные подробности услышанных им московских лекций. Его письма читались, переписывались, размножались, заучивались наизусть! Поразительно! Личность русского историка необыкновенно обаятельна. И мне кажется, по глубине, благородству устремлений соперничает с личностью Достоевского. Оба столкнулись при произнесении речей на открытии памятника Пушкину в 1880 году. И зацепили друг друга.

Собственно, вот он — идеал человека, как его передаёт в своих рассказах ученикам Владимир Николаевич Гуськов! Для меня важно было ещё и то, что уже лет пять Гуськов отслеживает духовно-нравственный рост своих учеников через ответы на анкеты. Конечно, в историческую науку ушли из ребят единицы. Но цель-то у Гуськова иная! И он достигает её, потому что процентное отношение детей, которые приходят в школу, «не зная зачем», практически приближено в школе за последние годы к нулю! Мышление у детей началось, осознание себя!

Сегодня многие из воскресенских школьников оказались «невыездными». Папы и мамы, работая в совхозе, уже девять лет не получают зарплаты. Поэтому так важно дело историка Гуськова, который расширяет вселенную для ребят, по сути, запертых в деревенских стенах и в границах области. Значение «малой родины» возросло необыкновенно. Последний проект Владимира Николаевича — «Пензенские имена на карте мира». Таких имён более тридцати: заливы, вершины, полуострова... А имя «Ключевский» вознесено выше всех! Оно присвоено одной из малых планет Солнечной системы! Так соединились космос и Воскресеновка...

Источники

1. *Ключевский В.О.* Два воспитания. Соч. в 9 т. Т. 9. М., 1991.
2. *О.Ф. Рожкова, Е.Н. Корсикова.* Концепция воспитания в трудах В.О. Ключевского. http://history.yar.ru/vestnik/pedagoga_i_psi-chology/14_1/
3. *Ирина Лангуева-Репьева.* «Воскреситель» прошлого. <http://www.hrono.info/text/2004/repeva0904.html>
4. *Лев Тихомиров.* Жизнь и воспитание. (с) <http://apocalypse.orthodoxy.ru/>